

A woman with red hair, wearing a long white dress and a light blue lace parasol, stands on a rocky cliff. She is looking down and to the right. The background is a misty forest with large trees. The entire scene is framed by a white, textured border.

ДЖОАН
ЛІНДСІ

ПІКНІК
У ВИСЯЧЕЙ СКАЛЫ

Вселенная Стивена Кинга

Джоан Линдси

Пикник у Висячей скалы

«Издательство АСТ»

1967

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 84(8Авс)-44

Линдси Д.

Пикник у Висячей скалы / Д. Линдси — «Издательство АСТ»,
1967 — (Вселенная Стивена Кинга)

ISBN 978-5-17-119249-5

Австралия, 1900 год. День святого Валентина, который с нетерпением ждали все ученицы частного элитного колледжа «Эпплъярд», выдался на редкость жарким и безоблачным. Посвятив утро обмену страстными анонимными валентинками, словно написанными воздыхателями, девочки в радостном предвкушении выезжают к Висячей скале – идеальному месту для праздничного пикника. После обеда все разбредаются кто куда, наслаждаясь чудесными видами и ярким солнцем. А к вечеру выясняется, что три школьницы и учительница, отправившиеся осмотреть склоны скалы поближе, бесследно пропали...

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-119249-5

© Линдси Д., 1967

© Издательство АСТ, 1967

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джоан Линдси

Пикник у Висячей скалы

Joan Lindsay
PICNIC AT HANGING ROCK

© Joan Lindsay, 1967

© Перевод. Школа В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Являются ли роковые события «Пикника у Висячей скалы» реальностью или вымыслом – решать вам, мои читатели. Это не так уж важно, ведь дело происходило в 1900 году, и все участники давно умерли.

Глава 1

Все были согласны, что для пикника у Висячей скалы выдался отличный день – сияющее летнее утро, теплое и безветренное. Завтрак прошел под стрекот цикад, облепивших мушмулы, что росли под окнами столовой, и под жужжание пчел, летавших над анютиными глазками вдоль дорожки. Опрятные клумбы пылали большеголовыми георгинами, склонившимися к земле, ровно стриженные газоны нагревались от поднимавшегося все выше солнца. Садовник уже поливал гортензии, что прятались в тени кухонного крыла в задней части строения. Воспитанницы колледжа миссис Эппльярд давно проснулись, с шести часов утра разглядывали чистое безоблачное небо, а теперь порхали в своих нарядных легких платьицах, будто стайка взволнованных бабочек. Долгожданный ежегодный пикник должен был пройти в субботу, на которую выпал День святого Валентина, традиционно отмечающийся четырнадцатого февраля посредством обмена открытками и безумно романтичными посланиями. Были они при этом строго анонимными – как дань уважения томящимся от любви воздыхателям. Правда, в течение учебного года единственными в школе мужчинами, которым можно было хотя бы улыбнуться, оставались мистер Уайтхэд, пожилой садовник-англичанин, и Том, рабочий из Ирландии.

Пожалуй, лишь директриса не получала в этот день поздравлений. Все прекрасно знали, что миссис Эппльярд не одобряет День святого Валентина и дурацкие открытки, которые только прибавляли горничным работы – все каминные полки были ими заставлены до самой Пасхи. Вытирать пыль становилось так же трудно, как после ежегодного вручения наград. А ведь каминные полки – просто загляденье! Две из белого мрамора в вытянутой гостиной поддерживались парой кариатид, крепких, как бюст самой Мадам; остальные, из резного и гнutoго дерева, были украшены тысячами переливающихся зеркал. В тысяча девятисотом году колледж Эппльярд уже являлся безнадежным архитектурным анахронизмом среди австралийской равнины, словно здание попало не в то время и не в то место. Навсегда останется загадкой, почему для строительства выбрали именно эту часть малолесной земли в нескольких милях от деревушки Маседон у подножия горы. Тонкий извилистый ручеек, сбегавший по склону у края участка площадью в десять акров, вряд ли мог вдохновить на постройку особняка в итальянском стиле, как и вид окутанной туманом вершины горы Маседон к востоку от противоположной части дороги, открывающийся кое-где среди завесы жилистых эвкалиптов. Тем не менее, особняк был построен, да к тому же из крепкого каслмейнского камня, на долгие времена. Первый владелец, чье имя давным-давно было забыто, прожил в нем всего год или два, а потом огромное уродливое здание опустело и было выставлено на продажу.

Благодаря английскому садовнику мистеру Уайтхэду, который до сих пор здесь работал, огромная территория – огород, клумбы, свинарник с курятником, фруктовый сад и теннисные корты – поддерживалась в идеальном порядке. В каменной конюшне можно было найти несколько экипажей в отличном состоянии. Безобразные викторианские предметы мебели выглядели как новые. Мраморные каминные полки привезли прямым из Италии, плотные ворсистые ковры – из Аксминстера в Англии. На лестнице из кедрового дерева античные статуи держали над головами масляные лампы, гостиная щеголяла роялем, а в день рождения королевы Виктории с квадратной башенки, куда вела узкая винтовая лестница, можно было даже вывесить флаг Соединенного Королевства. Особняк, стоящий на Бендиго-роуд за низкой каменной стеной, моментально впечатлил миссис Эппльярд, приехавшую из Англии с неплохими сбережениями и рекомендательными письмами, адресованными самым важным австралийским семьям. Ее карие глаза, всегда внимательно глядевшие вокруг в поисках выгодной сделки, сочли здание идеальным местом для элитного и, естественно, дорогостоящего пансиона – а еще лучше, колледжа – для девочек. Миссис Эппльярд немедленно приобрела дом со

всем, что к нему прилагалось, включая садовника, чем привела в восторг агента по недвижимости, который, показывая ей особняк, был готов снизить цену при условии расчета наличными. Вскоре миссис Эппльярд въехала в свое новое жилище.

Неизвестно, имелся ли у директрисы «Колледжа Эппльярд» (именно такая вывеска в виде солидной таблички с золотыми буквами сразу появилась на железных воротах громоздкого сооружения) опыт в сфере образования. Да это и не имело значения. Седеющие волосы, уложенные в высокую прическу с валиком, и пышная грудь, контроль и дисциплина, отражавшиеся на внешности не меньше, чем в честолюбивых замыслах, камей с портретом покойного мужа... Статная незнакомка выглядела как типичная английская директриса, которую и ожидают увидеть родители, а соответствующий вид, как известно, составляет полдела в любом коммерческом предприятии, от уличных представлений до получения займа на бирже. Колледж с первого дня работы ждал успех, а к концу первого года заведение принесло хорошую прибыль. Все это происходило примерно за шесть лет до начала нашего повествования.

Святой Валентин беспристрастен в оказании знаков внимания, и не только молодые и красивые были заняты чтением открыток. У Миранды накопился целый ящик отороченных кружевом признаний в любви, однако почетное место на мраморной каминной полке занимали самодельный купидон и картинки-поцелуечики из Квинсленда, заботливо подписанные ее отцом. Эдит Хортон, отнюдь не красавица, самодовольно насчитала одиннадцать валентинок, и даже мисс Ламли за завтраком достала открытку с нездоровым на вид голубком и надписью «БУДУ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ ВЕЧНО». Видимо, это пришло от ее молчаливого брата-неряхи, который навещал сестру в прошлом семестре. По мнению взрослеющих девочек, никто, кроме брата, и не мог любить страдавшую близорукостью младшую воспитательницу, вечно одетую в коричневый шерстяной костюм и туфли на плоской подошве.

– Он относится к ней с нежностью, – сказала всегда доброжелательная Миранда. – Я видела, как они прощались в холле.

– Только вот, дорогая Миранда, Рег Ламли – просто *омерзительное* существо! – засмеялась Ирма, покачивая иссиня-черными кудряшками и между делом думая о том, почему же школьная соломенная шляпка такая некрасивая.

Прелестная в свои семнадцать, юная наследница не отличалась тщеславием и не кичилась богатством. Она любила красивых людей и красивые вещи и украшала пальто букетиком полевых цветов с не меньшим удовольствием, чем прекрасной брошью с бриллиантами. Порой одного взгляда на спокойное овальное лицо и прямые кукурузно-желтые волосы Миранды было достаточно, чтобы по телу разлилось тепло. Сейчас она задумчиво смотрела на залитый солнцем сад.

– Какой чудесный день! Скорее бы на природу!

– Скажет тоже, да, девчонки? Как будто колледж Эппльярд находится в трущобах Мельбурна!

– Тянет в лес с папоротниками и птицами... – продолжала Миранда. – Как у нас дома.

– А еще с пауками, – вставила Марион. – Жаль, никто не прислал мне на День святого Валентина карту Висячей скалы. Я взяла бы ее с собой на пикник.

Замечания Марион Куэйд не переставали поражать Ирму своей странностью. Ну кому захочется разглядывать на пикнике карты? Она так и спросила у Марион.

– Мне, – честно ответила та. – Люблю знать, где нахожусь.

Большую часть семнадцати лет Марион Куэйд потратила на беспрестанную погоню за знаниями, и теперь про нее говорили, что делению в столбик она научилась еще в колыбели. Неудивительно, что с ее тонкими изящными чертами, чутким носом, который все время был настроен на поиск чего-то давно желаемого, и стремительной походкой Марион стала похожей на борзую.

Девочки начали обсуждать валентинки.

– Кто-то посмел прислать мисс Макроу открытку на листке в клеточку, исписанном примерами, – сказала Розамунд.

Вообще-то это сделал забавы ради ирландец Том, а подговорила его горничная Минни. Сорокапятилетняя «поставщица» высшей математики старшим воспитанницам жест оценила, ведь в глазах Греты Макроу цифры были куда приятнее, чем розы и незабудки. Один взгляд на листок бумаги, покрытый цифрами, приносил ей тайное удовольствие, а с ним и чувство могущества – с помощью пары взмахов карандашом числа можно было распределить, разделить, умножить, переставить и в итоге прийти к чудесным новым выводам. Хотя Том не узнал об этом, его шутка обернулась успехом. Минни же он отправил открытку с увитым розами сердцем, истекающим кровью и явно доживающим свои последние дни. Минни была очарована подарком, как и Мадемуазель – старой французской гравюрой с изображением единственной розы. Таким образом святой Валентин напомнил обитателям колледжа Эплгьярд о разнообразии форм любви.

Мадемуазель де Пуатье, преподававшая танцы и французскую речь и занимавшаяся одеждой воспитанниц, суетилась в восторженном ожидании пикника. Как и ее подопечные, она надела простое платье из муслина, в котором благодаря широкому поясу-ленте и широкополой соломенной шляпе умудрилась выглядеть элегантно. Лишь немногим старше самых взрослых учениц, Мадемуазель также ждала возможности сбежать от удушающей рутины колледжа на долгий летний день и порхала среди девочек, собирающихся на передней террасе для перекулички.

– *Depêchez-vous, mes enfants, depêchez-vous. Tais-toi, Irma*¹, – чирикала Мадемуазель птичьим голоском, хоть и не могла всерьез ругаться на *la petite* Ирму, которая приносила эстетическое удовольствие своей прекрасной юной грудью, ямочками на щеках, полными красными губами, озорными темными глазами и блестящими черными кудряшками. Иногда на уроке в темной классной комнате француженка, воспитанная среди великих европейских галерей, поднимала глаза от стола и представляла свою ученицу на фоне вишен и ананасов, херувимов и золотых графинов в окружении элегантных юношей в бархатных и атласных нарядах... – *Tais-toi, Irma...* Мисс Макроу *vient d'arriver*².

Худошавая женщина в красновато-коричневой длинной накидке появилась из наружного туалета, к которому вела тайная тропинка, окаймленная бегониями. Воспитательница шла привычным неторопливым шагом, с непринужденным и гордым, как у королевской особы, видом. Никто никогда не видел, чтобы она куда-то спешила. И ни разу не появлялась на людях без очков в стальной оправе.

Грета Макроу взяла на себя обязанность по проведению пикника при содействии Мадемуазель лишь из соображений совести. Будучи великолепным математиком – слишком хорошим специалистом для малооплачиваемой работы в колледже, – она отдала бы пять фунтов, чтобы провести драгоценный праздник, каким бы чудесным он ни был, в своей комнатке с захватывающим научным трудом по математическому вычислению. Хотя эта высокая женщина с сухой кожей бледно-желтого цвета и жесткими седеющими волосами, взгромоздившимися на ее макушке растрепанным птичьим гнездом, жила в Австралии уже тридцать лет, она не обращала внимания на то, что происходит вокруг. Ни климат, ни местная мода, ни эвкалипты и желтая трава, растянувшиеся на мили, не имели для нее никакого значения, как, впрочем, и туманы и горы родной Шотландии. Воспитанницы, привыкшие к причудам мисс Макроу, оставили без комментариев ее сегодняшний наряд – вдобавок к длинной накидке, в которой ее костлявая фигура становилась похожей на евклидовы́й треугольник, на ней была всем извест-

---

¹ Поспешите, дети, поспешите. Помолчи, Ирма (*фр.*).

² Мисс Макроу идет (*фр.*).

ная шляпка для походов в церковь, черные сапожки на шнурках и довольно потертые красно-коричневые лайковые перчатки.

Мадемуазель же, как признанная законодательница моды, немедленно подверглась тщательному изучению, вплоть до кольца с бирюзой и белых шелковых перчаток, и получила от девочек высочайшие похвалы.

– Правда, – сказала Бланш, – меня удивляет, что она позволила Эдит надеть эти игристые голубые ленты... На что она уставилась? – Эдит, четырнадцатилетняя девушка с бледным лицом, напоминающая формами туго набитую подушку, стояла чуть поодаль и глядела на окно одной из комнат второго этажа.

Отбросив назад прямые волосы цвета кукурузы, Миранда улыбнулась и помахала маленькому заостренному личику, которое удрученно созерцало оживленную сцену внизу.

– Это нечестно, – добавила Ирма, тоже с улыбкой махая рукой, – ей ведь всего тринадцать. Не думала, что миссис Э. поступит с ней так сурово.

– Бедная Сара, – со вздохом отозвалась Миранда. – Она ужасно хотела пойти на пикник.

Вчера Сара Уэйборн не сумела прочесть наизусть «Крушение “Гесперуса”»³ и теперь отбывала наказание, запертая в комнате наверху. Чудесный летний день она проведет в пустом классе, заучивая ненавистный шедевр. Колледж существовал еще не очень долго, однако уже прославился строгой дисциплиной и упором на английскую литературу.

На выложенную плиткой террасу с колоннами целеустремленно выплыла, будто галеон на всех парусах, необъятная фигура в серой тафте. Украшенная гранатами и золотом камеей с портретом джентльмена с бакенбардами размеренно вздымалась и опускалась на ее груди в такт дыханию мощных легких, заключенных в оболочку из стальных планшеток корсета и тесного серого ситца.

– Доброе утро, девочки, – пророкотал голос с типичным аристократическим акцентом, привезенным из Кенсингтона, фешенебельного района Лондона.

– Доброе утро, миссис Эпплъярд, – хором ответили стоявшие полукругом ученицы, делая реверанс.

– Все на месте, Мадемуазель? Прекрасно. Что ж, юные леди, с погодой для пикника у Висячей скалы нам повезло. Так как день обещает быть теплым, я дала Мадемуазель соответствующие наставления – вы сможете снять перчатки после того, как мы проедем Вудэнд. На поляне для пикника близ Скалы вас будет ждать второй завтрак. Позвольте еще раз напомнить, что Висячая скала – очень опасное место, поэтому никаких глупостей, даже на нижних склонах. Будьте внимательны, ведь в понедельник утром вам придется написать небольшое сочинение об этом геологическом феномене. Также не забывайте, что там водятся ядовитые змеи и муравьи. Приятного дня, и постарайтесь вести себя соответствующе доброму имени колледжа. Буду ждать вас вместе с мисс Макроу и Мадемуазель к легкому ужину в восемь.

Крытый экипаж из «Конюшни Хасси» в Нижнем Маседоне, запряженный пятью восхитительными гнедыми лошадьми, уже стоял у ворот. Мистер Хасси лично возил «весь колледж» на важные мероприятия с самого первого дня, когда к грандиозному открытию школы родители воспитанниц приехали на поезде из Мельбурна и пили шампанское на газоне. Этот розовощекий мужчина с добрыми и пронизательными голубыми глазами был всеобщим любимчиком; даже миссис Эпплъярд называла его «мой дорогой» и приглашала к себе в кабинет на стаканчик шерри.

– Тише, Моряк... Тпру, Герцогиня... Бельмонт, ты у меня получишь... – Пять отменно выезженных лошадей вообще-то стояли смиренно, будто статуи, но такова уж часть ритуала; мистер Хасси, как и все хорошие извозчики, умел произнести нужные слова ко времени и месту. – Осторожнее, мисс Макроу, не испачкайте перчатки – колесо пыльное...

---

³ Имеется в виду стихотворение Генри Лонгфелло. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Наконец, к удовлетворению закадычных друзей, врагов и двух воспитательниц, все рас-
селись. Три старшие девочки, неразлучные Миранда, Ирма и Марион Куэйд, получили желан-
ные места на козлах рядом с извозчиком, против чего мистер Хасси ничуть не возражал. Весе-
лые девчушки...

– Спасибо, мистер Хасси, теперь можем ехать, – приказала откуда-то сзади мисс Макроу,
внезапно осознавшая свои нематематические обязанности и приготовившаяся командовать.

Они двинулись в путь по ровной дороге, ведущей из Мельбурна в Бендиго. Из-под колес
вздмалась красная пыль, и вскоре школа скрылась из виду, лишь сквозь деревья прогляды-
вала башенка.

– Вперед, Моряк, ленивая ты скотина... Принц, Бельмонт, не рвитесь из хомутов...

Первые пару миль пейзаж оставался знакомым – по этой территории девушки частенько
гуляли парами. Даже не выглядывая из экипажа, пассажиры отлично знали, что по обеим сто-
ронам дороги тянется чахлый лес из жилистых хинных деревьев, среди которых тут и там
видны открытые участки земли. Вот выбеленный домик Комптонов, чьи раскидистые айво-
вые деревья снабжают школу желе и джемами, а вот заросли ивняка, где ответственная за про-
гулку воспитательница неизменно останавливала девочек и поворачивала обратно. Прямо как
с учебником по истории, где каждый раз приходилось возвращаться к повторению главы про
смерть короля Георга IV, прежде чем снова изучать Эдуарда III в следующем семестре... Как
только они проехали мимо зеленых ив в богатом летнем убранстве, девочки почувствовали
дух приключений и начали выглядывать из-за брезентовых пологов. Среди тусклой листвы
показалась яркая зелень, а затем иссиня-черные сосны и верхушка горы Маседон, чьи южные
склоны с романтическими летними особняками, намекающими на далекие взрослые удоволь-
ствия, как всегда, были укрыты пушистыми белыми облаками.

Главным правилом колледжа Эппльярд было «МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО». Таблички с
этой надписью висели в коридорах школы. Однако в быстром движении повозки и даже в теп-
лом пыльном воздухе, обдающем лица, чувствовалась такая сладкая свобода, что все ожив-
ленно щебетали, как попугайчики.

Три старшие девочки, расположившиеся на сидении кучера рядом с мистером Хасси,
радостно и непоследовательно обсуждали свои сны, вышивку, бородавки, салют и предстоящие
пасхальные каникулы. Мистер Хасси, который проводил большую часть рабочего дня, слушая
разнообразные беседы, молча смотрел вперед на дорогу.

– Мистер Хасси, а вы знали, что сегодня День святого Валентина? – спросила Миранда.

– Я не особо разбираюсь в святых, мисс Миранда. Чем занимается этот ваш Валентин?

– Мадемуазель говорит, что он покровитель всех влюбленных, – объяснила Ирма. – Он
просто чудо – шлет людям замечательные открытки с блестками и кружевом. Хотите кара-
мельку?

– Только не за работой.

Наконец-то и мистеру Хасси удалось вставить слово в разговор. В прошлую субботу он
был на скачках и видел, что первой пришла лошадь отца Ирмы.

– Как ее звали и на какую дистанцию был забег? – поинтересовалась Марион Куэйд. Она
не сильно увлекалась лошадьми, зато любила копить полезные факты, как и ее покойный отец,
выдающийся королевский адвокат.

Эдит Хортон, не желая оставаться в стороне, наклонилась через плечо Миранды, чтобы
заодно похвастаться своими лентами, и спросила, почему большую коричневую лошадь
мистера Хасси зовут Герцогиней. У мистера Хасси были свои любимчики среди пассажиров,
и он не всем хотел отвечать.

– А почему *вас* зовут Эдит, мисс?

– Потому что так звали мою бабушку, – с важным видом ответила она. – Только вот у
лошадей нет бабушек.

– Да неужели! – Мистер Хасси повернул свои квадратные плечи в другую сторону от глупой девчонки.

Понемногу становилось жарче. Солнце пригревало блестящую черную крышу повозки, теперь покрытую мелкой красной пылью, что попадала в глаза и волосы сквозь неплотно застегнутые полотна занавесов.

– И все это ради удовольствия, – бормотала в темноте экипажа Грета Макроу, – оказаться во власти ядовитых змей и муравьев... Как же глупы бывают человеческие создания! – В сумке у нее лежала книга, но сосредоточиться на чтении среди девчачьей болтовни было бы трудно.

Дорога к Висячей скале резко сворачивала направо за городком Вудэнд. Здесь мистер Хасси остановился у гостиницы, чтобы напоить лошадей перед последним отрезком пути. Внутри повозки становилось невыносимо жарко, все начали снимать перчатки.

– Мадемуазель, можно и головные уборы снять? – спросила Ирма, чьи чернильные кудряшки струились из-под соломенной шляпки.

Мадемуазель улыбнулась и глянула на мисс Макроу, которая сидела напротив, закрыв глаза, но не расслабляя прямую спину и сомкнув маленькие ручки в замок на коленях.

– Ни в коем случае. Мы на экскурсии и не должны выглядеть, как цыганский табор. – Мисс Макроу вновь вернулась в мир рационального мышления.

От ритмичного стука копыт и душного воздуха в экипаже клонило в сон. Было всего одиннадцать часов, и воспитательницы попросили мистера Хасси найти подходящее место для небольшой остановки. В тени старого эвкалипта из плетеной корзины достали молоко и лимонад, сохранившие восхитительную прохладу, без лишних комментариев сняли шляпки, роздали печенья.

– Давненько я такого не пробовал, – сказал мистер Хасси, попивая лимонад. – Крепкого-то я не пью, особенно в такие важные дни.

Миранда встала и подняла кружку с лимонадом высоко над головой.

– За святого Валентина!

– За святого Валентина! – подхватили все, кроме мистера Хасси, и чудесное имя эхом прокатилось по пыльной дороге. Даже Грета Макроу, которой было все равно, за кого пить – хоть за Тома из Бедлама, хоть за персидского шаха, рассеянно поднесла пустую кружку к бледным губам.

– А теперь, если ваш святой не возражает, мисс Миранда, нам пора в путь, – сказал мистер Хасси.

– Люди помешались на идее совершенно бесполезных движений, – призналась мисс Макроу сороке, подбиравшей крошки песочного печенья у ее ног. – Только ненормальный, по их мнению, захочет для разнообразия посидеть на одном месте! – И она неохотно вернулась в повозку.

Корзина была снова наполнена, пассажиры на всякий случай пересчитаны, ступеньки убраны под половицы, и экипаж двинулся в путь. Среди серебристых теней от стройных молодых деревьев мелькали лучики золотого цвета, падавшие на напряженные плечи и темные взмыленные крупы лошадей. Подковы практически бесшумно соприкасались с грунтовой проселочной дорогой. Ни один путник не шел навстречу, пение птиц не нарушало тишину, серые заостренные листья молодых деревьев безжизненно поникли на полуденной жаре. Смеявшиеся и болтавшие девочки неосознанно замолчали, пока экипаж снова не выехал из тени на солнце.

– Сейчас, должно быть, около двенадцати, – сообщил мистер Хасси пассажиркам, глядя не на часы, а на солнце. – Неплохо продвигаемся, дамы... Я обещал начальнице вернуть вас в колледж к восьми.

От упоминания колледжа внутри нагретой повозки пробежал холодок; никто не ответил. В кои-то веки Грета Макроу приняла участие в беседе, что в гостиной для учителей случалось редко.

– Даже если мы пробудем у Скалы на час дольше, то не опоздаем. Мистер Хасси, как и я, отлично знает, что сумма двух сторон треугольника больше третьей. Утром мы проехали вдоль двух сторон треугольника... верно, мистер Хасси? – Извозчик ошеломленно кивнул. Странная она, эта мисс Макроу. – Что ж, тогда лишь остается сменить маршрут на обратном пути и вернуться по третьей стороне. В таком случае, раз мы въехали на эту дорогу в Вудэнде под прямым углом, то назад поедem по гипотенузе.

Это было чересчур для практичного ума мистера Хасси.

– Не знаю насчет гиппопотама, мэм, но если вы имеете в виду Верблюжий Горб, – он показал хлыстом на горную цепь Маседон, среди которой на фоне неба выделялся именно Горб, – то дорога через него чертовски длинная, несмотря на вашу математику. Там и дороги толком нет – одна лишь ухабистая колея через верхушку горы.

– Я имела в виду не Верблюжий Горб, мистер Хасси, но спасибо за объяснение. Не разбираясь в лошадях и дорогах, я прибегаю к теории. Марион, ты меня слушаешь? Надеюсь, ты поняла, о чем я говорила? – Марион Куэйд, единственная в классе с легкостью одолевшая Пифагора, была любимой ученицей мисс Макроу, как дикарь, понимающий несколько слов потерпевшего крушение моряка, становится любимым дикарем.

Пока они беседовали, угол зрения понемногу сместился, и взору предстала поразительная Висячая скала. Прямо впереди среди желтоватой равнины крепостью возвышалась серая вулканическая масса. С сидения кучера три девочки видели вертикальные линии отвесной скалы, изрезанной сине-фиолетовыми тенями и серо-зелеными кустами кизила. Кое-где лежали валуны, которые даже на расстоянии выглядели громадными и пугающими. Лишенная растительности зазубренная верхушка горы рассекала безмятежную синеву неба.

Кучер махнул длинным хлыстом в сторону чудесного творения природы.

– Вот она, дамы. Осталось всего полторы мили!

Мистер Хасси знал немало фактов и цифр.

– Более пяти сотен футов высотой... вулканического происхождения... из нескольких монолитов... возрастом в тысячи лет. Прошу прощения, мисс Макроу, надо бы сказать – миллионы.

– Гора идет к Магомету, Висячая скала идет к мистеру Хасси. – Странноватая воспитательница улыбалась извозчику таинственной кривой улыбкой, смысла в которой он видел еще меньше, чем в ее словах. Мадемуазель едва удержалась, чтобы не подмигнуть озадаченному кучеру. И правда, с каждым днем Грета становилась все более чудаковатой!

Повозка резко свернула направо и набрала скорость.

– Полагаю, леди захотят пообедать. Я так точно готов попробовать тот пирог с курицей, который мне нахваливали, – сказал мистер Хасси.

Девочки вновь принялись болтать, и не только у Эдит мысли вращались вокруг пирога. Ученицы высовывали головы из-под занавесов, чтобы глянуть на Скалу, которая то появлялась, то исчезала на каждом повороте, иногда представляя так близко, что за порослью и высокими деревьями можно было рассмотреть два огромных валуна рядом с вершиной.

Путь к так называемой площадке для пикника у подножия Висячей скалы вел через покосившиеся деревянные ворота. Миранда, набравшаяся опыта в открывании ворот на территории семейного поместья, без спроса спустилась с сидения кучера и ловко управилась с покореженным засовом под восхищенным взглядом мистера Хасси, который заметил, как уверенно двигаются ее тонкие руки, как аккуратно она поддерживает вес ворот одним бедром. Створки распахнулись на ржавых петлях, стая попугаев с криком слетела с дерева и сине-зеленым пятном двинулась на юг, к залитым солнцем травянистым низинам близ горы Маседон.

– Вперед, Моряк... Герцогиня, тише... Бельмонт, что ты такое творишь... Вот дела, мисс Миранда, как будто они в жизни не видели проклятого попугая. – И мистер Хасси, пребывая в отличном настроении, повел пять гнедых лошадей из знакомого надежного настоящего в неиз-

вестное будущее с той же радостной уверенностью, с какой каждый день преодолевал узкий выезд из собственного заднего двора.

Глава 2

Рука человека внесла не так уж много изменений в природу на площадке для пикника – лишь плоские камни были выложены в круг, как место для костра, и поставлен деревянный туалет в стиле японской пагоды. Ручей лениво бежал среди длинной сухой травы, то почти исчезая, то снова появляясь мелкими лужицами. Обед устроили на больших белых скатертях в тени двух раскидистых эвкалиптов, чтобы защититься от солнца. Вдобавок к пирогу с курицей, «ангельскому» бисквиту, желе и тепловатым бананам, без которых не обойтись на австралийском пикнике, кухарка приготовила огромный торт в форме сердца, покрытый глазурью, – Том услужливо сделал для него жестяную формочку. На костре, разведенном из коры и листьев, мистер Хасси согрел два громадных котелка воды для чая и теперь с наслаждением покуривал трубку в тени повозки, не забывая поглядывать на привязанных вдали от солнца лошадей.

Кроме воспитанниц колледжа, на площадке для пикника расположилась только еще одна группа из трех-четырех человек, сидевших под дальбергиями⁴ на другой стороне ручья, где крупная гнедая лошадь и белый арабский пони лакомились сеном рядом с открытым экипажем.

– Ну и тишина здесь, просто кошмар, – заметила Эдит, добавляя в чай побольше сливок. – Не представляю, как люди соглашаются жить в деревне. Если, конечно, они не ужасно бедные.

– Если бы все в Австралии так считали, ты бы сейчас не пила жирные сливки, – отозвалась Марион.

– Не считая тех людей с открытым экипажем, мы, возможно, единственные существа во всем мире, – продолжила Эдит, беззаботно забыв о царстве животных.

Солнечные склоны и затененный лес, казавшиеся Эдит такими неподвижными и безмолвными, в действительности полнились неслышными шорохами и легкими взмахами незаметных крыльев. Листья, цветы и травы сияли и подрагивали под пологом из света; когда отступали облака, было видно, как золотистые пылинки пляшут над ручьем, где скользят по поверхности воды жуки-плавунцы. Среди камней усердные муравьи, не переставая собирать и запасать еду, пересекали целые пустыни из песка и настоящие джунгли из травы. Меж громадных человеческих фигур были разбросаны спасительные крошки, семена тмина, кусочки засахаренного имбиря – странная, экзотическая, но вполне съедобная добыча. Батальон сахарных муравьев, согнувшихся пополам от усилий, трудолюбиво тащил кусок глазури с торта в сторону некой тайной кладовой, расположенной в опасной близости от светловолосой Бланш, прислонившей голову к скале. Ящерицы грелись на горячих камнях; неуклюжий жук-броненосец перекатился на спину в сухих листьях и теперь беспомощно дергал лапками; толстые белые личинки и плоские серые мокрицы предпочитали надежную сырость гниющей коры. Змеи замерли, свернувшись кольцами в ожидании сумерек, когда они выползут из секретных нор, чтобы напиться у ручья. Птицы прятались в кустах от дневной жары...

Огражденные от естественных контактов с землей, воздухом и солнцем корсетами, пышными юбками, хлопковыми чулками и кожаной обувью, наевшиеся девочки с сонным видом отдыхали в тени, будто позируя для альбома на фоне пробковых скал и картонных деревьев. Насладившись редкими лакомствами до последнего кусочка, сполоснув чашки и тарелки в ручье, они стали думать, чем бы развлечь себя в остаток дня. Некоторые разошлись группками по два-три человека, получив строгий наказ не уходить далеко от повозки; другие, одурманенные солнцем и плотным обедом, дремали и погружались в мечты. Розамунд достала вышивание, Бланш уже спала. Две прилежные сестры из Новой Зеландии делали карандашные зарисовки. Мисс Макроу наконец-то сняла лайковые перчатки, когда они помешали ей нормально съесть банан. Всем своим видом она так и напрашивалась на карикатуру – сидит с прямой

---

⁴ Дальбергия – разновидность древесных лиан.

спиной на упавшем бревне, острый нос уткнулся в книгу, на глазах очки в стальной оправе. Рядом с ней Мадемуазель вытянулась во всю длину на траве, светлые волосы прикрывают лицо. Ирма позаимствовала у матери перочинный ножик с перламутровой рукояткой и теперь, словно Клеопатра, изысканно чистила им спелый абрикос.

– Почему так вышло, Миранда, – шептала она, – что это прекрасное создание решило выбрать печальную участь школьной учительницы?.. О, идет мистер Хасси – так жаль ее будить.

– Я не сплю, *ma petite*, просто мечтаю, – ответила воспитательница с рассеянной улыбкой, приподнявшись на локте. – В чем дело, мистер Хасси?

– Извините за беспокойство, мисс, лишь хотел убедиться, что мы двинемся в обратный путь не позже пяти. Может, и раньше, если лошадки будут готовы.

– Хорошо, как скажете. Я позабочусь о том, чтобы юные леди собрались ко времени. Который сейчас час?

– Как раз хотел у вас спросить. Мои старые часы именно сегодня остановились – показывают двенадцать.

Так вышло, что маленькие французские часики Мадемуазель были в ремонте в Бендигго.

– У господина Монпелье, мисс?

– Да, по-моему, так и зовут часового мастера.

– На Голден-сквер? Тогда позвольте сказать, вы поступили правильно.

– Думаете? – спокойно отозвалась француженка, хотя на ее щеках при этом загорелся румянец.

Мистер Хасси крепкой хваткой вцепился в Монпелье, как собака в кость, и никак не желал менять тему.

– Я вам скажу, мисс, господин Монпелье и его отец – лучшие в своем деле во всей Австралии. К тому же, он настоящий джентльмен. Вы не ошиблись.

– Я так и поняла. Миранда, у тебя же есть симпатичные часики с бриллиантами – подкажешь нам, который час?

– Простите, Мадемуазель, я больше не беру их с собой. Тикают весь день прямо над сердцем, невыносимо.

– Будь у меня такие, – вставила Ирма, – я бы никогда их не снимала, даже в ванной. А вы, мистер Хасси?

Мисс Макроу неохотно закрыла книгу, потянулась костлявыми пальцами в складки красно-коричневого наряда и достала старомодные часы на цепочке с репетиром.

– Двенадцать. Никогда раньше не останавливались. Папины.

Мистеру Хасси оставалось лишь со знающим видом глянуть на тень от Висячей скалы, которая с момента обеда подползала к площадке для пикника.

– Поставить чайник? Выпьем еще чаю перед отъездом. Скажем, через часок?

– Часок, – повторила Марион Куэйд, доставая бумагу в клетку и линейку. – Я хотела бы сделать кое-какие измерения у подножия Скалы, если у нас есть время. – Так как Миранда с Ирмой тоже желали поближе рассмотреть Скалу, они попросили разрешение на прогулку до нижнего склона. Мисс Макроу снова исчезла за книгой, а Мадемуазель, немного подумав, согласилась.

– Далек это отсюда?

– Всего несколько сотен ярдов, – ответила Марион Куэйд. – Впрочем, придется идти вдоль ручья...

– Можно мне с вами? – вскочила на ноги Эдит, широко зевая. – Я съела столько пирога, что меня так и клонит в сон. – Девочки бросили вопросительные взгляды на Миранду, и Эдит было позволено присоединиться.

– Не волнуйтесь за нас, дорогая Мадемуазель, – улыбнулась Миранда. – Мы ненадолго.

Воспитательница встала, чтобы посмотреть, как четыре девочки идут к ручью: Миранда чуть впереди скользит среди высокой травы, которая касается ее светлых юбок, Марион и Ирма идут следом, взявшись за руки, Эдит неуклюже топает позади. Когда они дошли до зарослей камыша, где ручей менял направление, Миранда с грустной улыбкой обернулась к Мадемуазель, которая ответила улыбкой и махала им, пока девочки не скрылись из виду за поворотом.

– *Mon Dieu!*⁵ – воскликнула она, обращаясь к небу. – Теперь я поняла...

– Что вы поняли? – спросила вдруг Грета Макроу как всегда настороженным тоном, глянув поверх книги.

Француженка не теряла дар речи, даже когда говорила на английском, но сейчас, к своему стыду, не могла вымолвить ни слова. Ну как объяснить, и уж тем более мисс Макроу, что Миранда – это ангел с картины Боттичелли из галереи Уффици?.. Летним днем невозможно ясно мыслить о важных вещах. Например, о любви, ведь всего несколько минут назад при воспоминании о руках Луиса, ловко поворачивающих ключик в маленьких севрских часах, она едва не потеряла сознание. Мадемуазель вновь прилегла на теплую ароматную траву, наблюдая за тенями от нависающих ветвей, которые сдвигались в сторону от корзины с молоком и лимонадом. Скоро напитки окажутся под палящими лучами солнца; надо подняться и перенести их в прохладу. Девочек не было уже минут десять, может, больше. Томная расслабленность жаркого дня подсказывала, что именно в этот час люди, уставшие от однообразных дел, обычно решали вздремнуть или помечтать, прямо как она в данный момент. В колледже Эпплъярд на занятиях, проходивших ближе к вечеру, ученицам нужно было постоянно напоминать о том, чтобы они держали спину ровно и не ленились. Приоткрыв один глаз, Мадемуазель увидела у заводи двух старательных сестер, которые отложили свои блокноты и заснули. Розамунд клевала носом над вышивкой. Усилием воли Мадемуазель заставила себя пересчитать порученных ей девочек – девятнадцать. Все, кроме Эдит и трех старших учениц, оставались на виду. Воспитательница закрыла глаза и позволила себе вернуться к грезам.

Тем временем четыре девочки шли вверх вдоль извиляющегося ручья. От незаметного истока где-то среди папоротников и кизила у подножия Скалы он почти невидимой струйкой журчал к равнинной площадке для пикника, а потом примерно на сотню ярдов становился глубже и чище, быстро сбегал по гладким камням и превращался в небольшое озерцо с травой невероятного бледно-зеленого цвета по краям. Неудивительно, что приехавшие на открытой повозке выбрали для пикника это местечко. Крепкий пожилой мужчина с бородой и в пробковой шляпе, сдвинутой на широкое красное лицо, спал, лежа на спине и сложив руки на животе, подвязанном красным поясом. Рядом, прислонившись к дереву и закрыв глаза, на подушках сидела миниатюрная женщина в изысканном шелковом платье и обмахивалась веером из пальмового листа. Стройный светловолосый юноша – или, скорее, молодой человек – в английских бриджах для верховой езды увлеченно читал журнал, а другой молодой человек того же возраста или чуть старше, крепкий и загорелый в отличие от первого, нежного и розовощекого, споласкивал у озерца бокалы из-под шампанского. Кучерская шляпа и темно-синий жакет с серебряными пуговицами были небрежно брошены на камыши, так что взору открывались густые темные волосы и сильные руки медного оттенка, покрытые татуировками в виде русалок.

Хотя девочки следовали за всеми бесконечными поворотами непредсказуемого ручья и уже поравнялись с семьей на пикнике, Висячая скала по-прежнему дразняще скрывалась за завесой высоких деревьев.

– Надо найти подходящее место, чтобы перейти ручей, – прищурившись, сказала Миранда, – иначе мы вернемся ни с чем.

Ручей набирал ширину и растекался в очередное озерцо. Марион Куэйд достала линейку.

---

⁵ Боже мой! (фр.)

- Как минимум четыре фута и ни одного камня, на который можно было бы наступить.
- Предлагаю прыгать и надеяться на лучшее. – Ирма подобрала юбки.
- Сможешь, Эдит? – спросила Миранда.
- Не знаю. Я не хочу намочить ноги.
- Почему?
- Заболею пневмонией и умру – тогда пожалеете, что смеялись надо мной.

Они с легкостью преодолели быстрый прозрачный поток, чем заслужили одобрительный свист молодого кучера. Как только девочки ушли подальше в сторону южных склонов скалы, юноша в бриджах отбросил «Иллюстрированные новости Лондона» и подошел к озерцу.

- Помочь с бокалами?
  - Не надо. Просто сполосну немного, чтобы кухарка не накинулась, когда приеду домой.
  - А, ясно... боюсь, я не очень-то разбираюсь в мытье посуды... Послушай, Альберт...
- Надеюсь, мои слова тебя не обидят, но зря ты это сейчас сделал.
- Что сделал, мистер Майкл?
  - Свистнул тем девушкам, которые прыгали через ручей.
  - Насколько я знаю, мы живем в свободной стране. Что плохого в свисте?
  - Ты ведь отличный парень, а хорошенькие девушки не любят, когда им вслед свистят незнакомцы.

Альберт ухмыльнулся.

- Ничего подобного! Все они одинаковые. Как думаете, они из колледжа Эппльярд?
- Черт возьми, Альберт, я всего пару недель как приехал в Австралию – мне-то откуда знать? Я и разглядеть их толком не успел, лишь поднял голову, когда услышал твой свист.
- Поверьте на слово, – сказал Альберт, – я немало таких повидал. Девушки из колледжа ничем не отличаются от тех, что выросли в сиротском приюте Балларата, где кое-как воспитали нас с сестрой.

– Извини, – отозвался Майкл. – Я не знал, что ты сирота.

– Почти. Мамка сбежала с каким-то малым из Сиднея, а отец просто бросил меня и сестру. Вот нас и упекли в приют.

– Приют? – повторил юноша, которому казалось, будто он слушал рассказ о жизни в тюрьме на Чертовом острове. – А каково это – расти в таком месте?

– Паршиво. – Альберт закончил мыть бокалы и аккуратно складывал серебряные кружки полковника в кожаный чехол. – Ну, в каком-то смысле там было довольно чисто. Ни вшей, ничего такого, если только не привозили какого-нибудь новичка с гнидами на голове – тогда надзирательница доставала огромные ножницы и стригла ему волосы.

Майкла завораживали воспоминания Альберта о приюте.

– Расскажи мне что-нибудь еще... Тебе позволяли видеться с сестрой?

– Понимаете, на окнах в те дни были решетки – мальчики в одном классе, девочки в другом. Боже, сто лет не вспоминал про эту дыру.

– Давай потише. Если тетушка услышит, как ты ругаешься, она заставит дядю тебя уволить.

– Не выйдет, мистер Майкл! – улыбнулся кучер. – Полковник знает, что я чертовски хорошо присматриваю за лошадьми и не таскаю у него виски. Ну, почти не таскаю. По правде говоря, воняет ужасно. А вот эта французская шипучка – другое дело. Легкая и приятная на вкус.

Альберт был полон жизненного опыта и мудрости. Майкл им восхищался.

– Слушай, хватит уже называть меня мистером Майклом. Это как-то не по-австралийски, лучше зови меня просто Майк. Когда тети нет рядом.

– Как скажешь! Майк? Сокращение от почтенного Майкла Фитцхуберта, как на твоих письмах? Господи, и не выговоришь! Будь у меня такое имя, я бы не узнал его на конверте.

Юному англичанину, который считал свое старомодное имя ценной личной принадлежностью, повсюду следовавшей за ним вместе с чемоданом из свиной кожи и набитым бумажником, потребовалось несколько минут, чтобы переварить это неодобрительное замечание кучера, а тот, на удивление, продолжал:

– Отец частенько менял имя, когда попадал в переделку. Не помню даже, под какой фамилией нас записали в приют. Да мне и плевать. Что одно имя, что другое – какая разница.

– Мне нравится разговаривать с тобой, Альберт. Ты заставляешь меня думать.

– Думать – хорошо, когда на это есть время, – ответил кучер, потянувшись за жакетом. – Пора запрягать Доблесть Прошлого, иначе твоя тетюшка мне устроит. Она уже хочет отправляться в обратный путь.

– Ладно. А я слегка разомну ноги перед отъездом.

Альберт посмотрел вслед стройной фигуре – юноша изящно перепрыгнул ручей и пошел к скале.

– Ноги разомнет, как же! Готов поспорить, что хочет снова взглянуть на тех девчушек... Особенно на красотку с черными кудрями. – Кучер вернулся к лошадям и начал складывать кружки и тарелки в индийскую соломенную корзину.

Майк обогнул первый ряд деревьев и глянул на отвесный склон скалы – интересно, как далеко пройдут девушки, прежде чем повернут назад? По словам Альберта, Висячая скала представляла трудности даже для опытных скалолазов. Если Альберт прав, и эти девушки – школьницы того же возраста, что и сестры Майкла, оставшиеся в Англии, как же так вышло, что их отпустили сюда одних, когда дело близится к вечеру? Он снова напомнил себе, что находится в Австралии. В Англии все шло по проторенному пути, ты снова и снова поступал так, как твои предки делали до тебя... Майк присел на поваленное бревно, услышал, как Альберт зовет его из-за деревьев, и понял, что именно в этой стране он, Майкл Фитцхуберт, будет жить. Как же зовут ту высокую девочку с прямыми светлыми волосами, которая скользнула через ручей, будто белый лебедь в пруду дяди?

Глава 3

Едва они пересекли ручей, как прямо впереди за небольшим поросшим травой склоном возникла Висячая скала. Миранда увидела ее первой.

– Нет, нет, Эдит! Хватит смотреть под ноги! Смотри вверх!

Майк потом вспоминал, как она остановилась и крикнула это через плечо маленькой толстой девочке, плетущейся позади.

Устремленные ввысь вершины лишили всех дара речи. Казалось, директриса колледжа Эпплъярд договорилась с самими небесами, чтобы сегодня это величественное зрелище предстало в потрясающем освещении. На крутой южной стороне играл золотистый свет, глубокие фиолетовые тени подчеркивали замысловатую форму длинных вертикальных плит; некоторые из них были ровными, словно гигантские надгробные камни, другие – все в бороздах и выемках, созданных под воздействием ветра и воды, льда и огня. Громадные валуны, некогда появившиеся в виде горячей лавы из недр земли, теперь отдыхали, остывшие, в тени лесного покрова.

При встрече с монументальными природными творениями человеческое зрение, как ни печально, не способно охватить всю их прелесть. Много ли чудес Висячей скалы сумели рассмотреть, осознать и запомнить четыре пары изумленных глаз? Заметила ли Марион Куэйд горизонтальные выступы, пересекающие основной вертикальный рельеф скалы, о геологической формации которых надо будет в понедельник написать в сочинении? Осознает ли Эдит, что ботинки растаптывают сотни нежных, похожих на звездочки цветов, пока Ирма принимает мелькание ярко-красного крыла попугая за пламя среди листвы? А Миранда, чьи ноги будто сами выбирают путь среди папоротников, чувствует ли она себя не просто восторженным наблюдателем, когда смотрит, склонив голову набок, на великолепные вершины?.. И вот они молча идут друг за другом к нижним откосам, каждая запертая в мирке собственных ощущений, не обращая внимания на давление и напряжение расплавленной массы, которой скала скрепляется со стонущей землей, на скрипы и подрагивания, на дуновения ветерка и потоки воздуха, воспринимаемые лишь пронизательными летучими мышами, что висят вниз головой в сырых пещерах. Никто из девочек не видит и не слышит, как змея сворачивается в медные кольца на камнях, как пауки, черви и мокрицы в панике суетятся в гниющей листве. На этой части Скалы нет никаких следов, а если когда-то и были, то давно уже исчезли. Многие годы ни одно живое существо не ступало в засушливое сердце окрестных склонов, не считая случайно пробежавшего кролика или кенгуру-валлаби.

Марион первой нарушила завесу молчания.

– Эти вершины... им, наверное, миллион лет!

– Миллион. Какой ужас! – воскликнула Эдит. – Миранда, ты слышала? – Что такое миллион лет, когда тебе четырнадцать? Миранда, чье лицо было озарено спокойной безмолвной радостью, просто улыбнулась в ответ. – Миранда! Не может ведь такого быть, да? – не унималась Эдит.

– Мой папа однажды заработал миллион на руднике в Бразилии, – сказала Ирма. – Купил маме кольцо с рубином.

– Деньги – это совсем другое, – подметила Эдит.

– Нравится Эдит или нет, – добавила Марион, – ее маленькое толстое тельце состоит из многих миллионов клеток.

Эдит закрыла уши руками.

– Хватит, Марион! Не хочу ничего подобного слышать!

– А еще ты, маленькая дурочка, уже прожила многие миллионы секунд.

Эдит побледнела.

– Перестань! У меня голова кругом.

– Не дразни ее, Марион, – попробовала успокоить девочек Миранда, заметив, что обычно непробиваемая Эдит расстроилась. – Бедняжка устала.

– Да, – подтвердила Эдит, – и противные папоротники ужасно колются. Давайте сядем на бревно и поглядим на эту уродливую старую скалу отсюда?

– Ты сама увязалась за нами, а мы старше, и мы хотим увидеть Висячую скалу поближе. Эдит захныкала.

– Тут плохо... Если бы я знала, какое тут гадкое место, я бы не пошла...

– Всегда знала, что она глупый ребенок, а теперь уж убедилась, – размышляла Марион вслух, будто доказав теорему о равнобедренном треугольнике. Говорила она беззлобно, ею двигало лишь одно – жгучее желание познать истину.

– Не бери в голову, Эдит, – утешила ее Ирма. – Скоро пойдешь домой, съешь немного вкусного праздничного торта и будешь счастлива.

Простое решение не только нынешних проблем Эдит, но и горестей всего человечества. Даже в детстве больше всего на свете Ирма Леопольд хотела видеть всех радостными, с куском любимого торта. Впоследствии это нашло выход в щедрых пожертвованиях от всего сердца и кошелька, несомненно поощряемых на небесах, но не юридическими советниками Ирмы: огромные суммы ушли на пропащих людей – прокаженных, разорившихся театральные постановщиков, миссионеров, священников, проституток с туберкулезом, святош, хромых собак и бездельников по всему миру.

– По-моему, раньше здесь была тропа, – сказала Миранда. – Помню, отец показывал картину – люди в старомодных нарядах на пикнике у Висячей скалы⁶. Интересно, где именно ее рисовали?

– Наверное, они пришли к Скале с другой стороны, – предположила Марион, доставая карандаш. – В те дни люди ехали сюда от горы Маседон. Хотелось бы мне получше рассмотреть те странные балансирующие валуны, что мы видели утром из экипажа.

– Дальше идти нельзя, – сказала Миранда. – Не забывайте, девочки, я пообещала Мадемуазель, что мы ненадолго.

С каждым шагом вид пленял все больше – появлялись то зубчатые выступы, то поросшие лишайником камни. Вот гора грозно высится над пыльными серыми листьями кизила, и тут же темная щель между двумя булыжниками открывает взору курчавый папоротник с тонкими, будто зеленое кружево, листьями.

– Давайте хотя бы посмотрим, как она выглядит за этим небольшим подъемом. – Ирма подобрала свои пышные юбки. – Хорошо бы заставить того, кто придумывал женскую моду на тысяча девятисотый год, пройти в трехслойной юбке через заросли!

Папоротник вскоре сменился густыми колючими кустами, которые привели девчушек к скалистому выступу высотой по пояс. Миранда первой вышла из кустарников и, опустившись на камень на колени, помогла подняться остальным с той же ловкостью, какой утром восхищался Бен Хасси, когда она открывала ворота. («В пять лет, – любил вспоминать ее отец, – наша Миранда перекинула ногу через седло, как заправский наездник». «Да, – добавляла мать, – и потом зашла ко мне в гостиную с по-королевски поднятой головой».)

Путницы очутились на практически круглой платформе, окруженной булыжниками и несколькими молодыми деревьями. Ирма сразу обнаружила в одном из камней небольшое отверстие и теперь с восторгом смотрела вниз на площадку для пикника. Изображение представляло невероятно четким, словно увеличенным с помощью мощного телескопа: вот повозка, вот мистер Хасси занимается лошадьми, от небольшого костра вьется дымок, девочки ходят

---

⁶ Миранда вспоминает картину Уильяма Форда «Пикник у Висячей скалы», написанную в 1875 году. Сейчас картина находится в Национальной галерее австралийского штата Виктория. (Примеч. авт.).

туда-сюда в легких платьицах, у озерца голубым цветком красуется раскрытый зонтик от солнца, принадлежащий Мадемуазель.

Было решено перевести дух в тени камней, а потом возвращаться обратно к ручью.

– Жаль, нельзя остаться здесь на ночь и понаблюдать за появлением луны, – сказала Ирма. – Миранда, улыбнись наконец – нечасто нам выпадает возможность хорошо провести время вне школы.

– К тому же без присмотра маленькой гадкой шпионки Ламли, – добавила Марион.

– Бланш говорит, что мисс Ламли чистит зубы только по воскресеньям, – вставила Эдит.

– Бланш – противная всезнайка, – ответила Марион, – как и ты.

Эдит невозмутимо продолжила:

– Бланш говорит, Сара пишет стихи. В уличном туалете. Она нашла листок – там было про Миранду.

– Бедная Сара, – вздохнула Ирма. – Она любит лишь одного человека во всем мире – тебя, Миранда.

– Не представляю, с чего вдруг, – добавила Марион.

– Она сирота, – тихо отозвалась Миранда.

Ирма продолжила:

– Папа однажды привел домой маленького олененка – как раз его Сара мне напоминает. Те же большие испуганные глаза. Я ухаживала за ним несколько недель, но мама сказала, он не выживет в неволе.

– И что было дальше? – поинтересовались девочки.

– Олененок умер. Мама все повторяла, что он был *обречен*.

– Обречен? – переспросила Эдит. – Что это означает, Ирма?

– Обречен на смерть, что же еще! Как тот мальчик из стихотворения, который остался на пылающем корабле с грудой мертвых тел...⁷ Забыла, что там дальше.

– Какой ужас! А я, девочки, тоже *обречена*? Я не очень хорошо себя чувствую. У того мальчика болел живот, как у меня?

– Если бы он съел на обед слишком много куриного пирога, точно заболел бы, – ответила Марион. – Эдит, ты можешь хоть минуту помолчать?

Слезы потекли по пухлой щеке Эдит. Ирма все думала, почему же Господь создал некоторых людей невзрачными и противными, а других – красивыми и добрыми, вроде Миранды. Милая Миранда, способная склониться, чтобы провести прохладной ладонью по пылающему лбу ребенка. Сердце Ирмы внезапно наполнила безотчетная нежная любовь, похожая на чувство, что вызывало отменное французское шампанское отца или печальное воркование голубей весенним днем. Любовь, распространявшаяся и на Марион, которая с улыбкой ждала, пока Миранда уgomонит несущую чепуху Эдит. На глаза выступили слезы, но не от грусти. Нет, плакать ей не хотелось, хотелось любить, вот Ирма и слезла с камня и, тряхнув кудряшками, начала танцевать. Или, скорее, парить над теплыми гладкими валунами. Все, кроме Эдит, сняли чулки и туфли. Ирма танцевала босиком, маленькие розовые пальчики едва касались поверхности земли; ленты в волосах и яркий взгляд вызывали мысли о балерине. Ирма и в самом деле представляла себя в театре «Ковент-гарден», куда в возрасте шести лет ее водила бабушка. Она посылает воздушные поцелуи поклонникам, бросает цветок в партер и, наконец, отвешивает поклон в сторону королевской ложи, которую мысленно расположила рядом с эвкалиптом... Прислонившись к валуну, Эдит показывала на Миранду и Марион, которые взбирались дальше вверх по скале.

– Ирма, ты только посмотри. Куда они собрались идти без обуви? – Когда Ирма лишь рассмеялась, Эдит хмуро добавила: – Просто с ума сошли.

---

⁷ Из стихотворения Ф. Д. Хеманс «Касабьянка»

Эдит, с детства привыкшей к шерстяным носкам и галошам, невозможно было понять такое безрассудство. Глядя на Ирму в поисках моральной поддержки, она с ужасом заметила, что та тоже сняла туфли с чулками и повязала их через пояс.

Миранда немного опережала четырех девочек, что пробирались через кизил; Эдит плелась сзади. Светлые прямые волосы Миранды свободно струились по плечам, раздвигающим волны пыльной зеленой листвы. В конце концов, кусты поредели, и появился небольшой отвесный склон, на который падали последние лучи солнца. Полукруглый выступ, куда попали девочки, был примерно той же формы, что и нижний, окруженный валунами и цепью камней. Заросли жестких папоротников, неподвижных в тусклом свете, не отбрасывали тени на ковер из сухого серого мха. Хорошо просматривалась равнина внизу, бесконечно далекая и размытая. Поглядывая меж валунов, Ирма увидела отблеск воды и крошечные фигурки, мелькающие среди розоватого тумана.

– И что они снуют там, как муравьи? – Марион посмотрела через плечо Ирмы.

– У поразительного числа людей нет никакой цели. Конечно, не исключено, что они выполняют некое важное предназначение, сами о том не догадываясь. – Ирма была не в настроении выслушивать лекции Марион. Разговор о муравьях не продолжился, однако на мгновение она заинтересовалась странным звуком, доносящимся с равнины. Что-то вроде боя барабанов вдалеке.

Миранда первая увидела впереди монолит, отдельно стоящий камень, напоминающий гигантское испещренное яйцо, на крутом обрыве над равниной. Марион, которая сразу достала карандаш и блокнот, неожиданно бросила их в заросли папоротника и зевнула. На четырех девочек вдруг навалилась невероятная усталость, и они поспешили к монолиту, где заснули таким крепким сном, что даже рогатая ящерица вылезла из трещины и без опаски устроилась рядом с рукой Марион.

Когда Миранда проснулась, через ее лодыжку чинно шествовали жуки в бронзовых панцирях; насекомые разбежались и нашли убежище под корой. В бледных сумерках выделялась каждая четко очерченная деталь, например огромное растрепанное гнездо меж ветвей чахлого дерева, все веточки и перышки в котором были замысловато сплетены неустанными когтями и клювом. Вообще все вокруг, если присмотреться, выглядело прекрасным и совершенным – и неряшливое гнездо, и порванные юбки Марион, напоминающие теперь полосатый панцирь моллюска, и кудряшки Ирмы, обрамляющие ее лицо изысканными пружинками, и даже Эдит, залитая румянцем и по-детски ранимая во сне. Она проснулась, хныкая и потирая красноватые глаза.

– Где я?.. Ох, Миранда, мне так плохо! – Другие тоже проснулись и встали. – Миранда, – повторила Эдит, – мне очень плохо! Когда мы пойдем домой?

Миранда посмотрела на нее странно, как будто и не замечая. Эдит задала вопрос громче, но подруга лишь отвернулась и пошла вверх по склону. Еще две девочки последовали за ней. Они даже не шли, как показалось Эдит, а скользили босыми ногами по камням, словно по ковру.

– Миранда, – опять позвала она. – Миранда! – В неподвижной тишине Эдит не узнавала свой голос; словно кто-то слабо хрипел среди скалистых стен. – Возвращайтесь, я вам говорю! Не ходите туда! – Эдит чувствовала, что задыхается, и стала дергать за кружевной оборчатый воротник. – Миранда! – Сдавленный крик вырвался шепотом. К ее ужасу, девочки быстро исчезли из вида за монолитом. – Миранда! Вернись! – Она сделала несколько неуверенных шагов к склону и краем глаза заметила белый рукав среди кустов. – Миранда!

Никто не ответил. Повисла пугающая тишина, и Эдит завопила во весь голос. Услышь ее крики кто-нибудь кроме кенгуру, скачущего среди папоротников, пикник у Висячей скалы, возможно, закончился бы самым обычным летним пикником. Однако крик девочки никто не

услышал. Кенгуру встрепенулся и ускакал прочь, а Эдит вслепую бросилась в кусты и, спотыкаясь и крича, побежала к равнине.

Глава 4

Около четырех часов пополудни миссис Эппльярд проснулась от роскошно долгого сна на диване в гостиной. Ей, как это часто бывало, снился покойный супруг. Они прогуливались вдоль пирса в Борнмуте, где стояли пришвартованными прогулочные корабли и рыболовные суда.

– Давай прокатимся по морю, дорогая, – предложил Артур. Кровать под балдахином со старомодным матрасом покачивалась на волнах. – Поплыли. – Он взял ее за ладонь и прыгнул. К ее удивлению и удовольствию, она рассекала воду, как рыба, даже не двигая руками или ногами. Они как раз добрались до кровати и залезали на борт, когда звук газонокосилки под окном прервал восхитительный сон – мистер Уайтхэд принялся за работу. Ах, жаль, Артур не может насладиться прелестями жизни в колледже Эппльярд! Он всегда, самодовольно вспомнила миссис Эппльярд, называл ее финансовым гением. Школа уже приносила отличную прибыль... Спустя несколько минут, все еще в хорошем настроении и намеренная проявить великодушие в этот чудесный праздничный день, директриса подошла к школьному кабинету.

– Что ж, Сара, надеюсь, ты выучила стихотворение и теперь можешь пойти погулять в саду. Минни принесет тебе чаю и кусочек торта.

Худенькая большеглазая девочка машинально встала и теперь беспокойно переступала с одной тонкой ножки в черном чулке на другую.

– Итак?.. Стой ровно, когда отвечаешь мне, и, пожалуйста, выпрями плечи. Иначе так и останешься сутулой. Ну что, выучила стихи?

– Все без толку, миссис Эппльярд. Я не могу их запомнить.

– То есть как не можешь? Ты сидишь здесь с учебником с самого обеда.

– Я пыталась, – сказала девочка, прикрывая глаза рукой. – Но они такие глупые. Если бы там был хоть какой-то смысл, я бы выучила.

– Смысл? Ах ты маленькая невежда! Вероятно, ты не в курсе, что миссис Фелиция Хеманс считается одной из лучших поэтесс Англии.

Сара нахмурила брови, сомневаясь в гениальности миссис Хеманс. Трудный, своевольный ребенок.

– Я знаю наизусть другое стихотворение. Там очень много строф, намного больше, чем в «Гесперусе»⁸. Может, лучше расскажу его?

– Хм-м... Как оно называется?

– «Ода святому Валентину». – На мгновение маленькое заостренное личико прояснилось и стало почти симпатичным.

– Я с ним не знакома, – настороженно ответила директриса. (В ее положении лишняя осторожность не вредила; многие цитаты оказывались из Теннисона или Шекспира.) – Где ты нашла эту... эту оду, Сара?

– Я сама ее написала.

– *Написала?* Нет, спасибо, я не хочу слушать подобное. Как ни странно, я предпочитаю миссис Хеманс. Дай мне книгу и расскажи хотя бы ту часть, что успела выучить.

– Говорю же, я не запомню эту чепуху, даже если просижу тут целую неделю.

– Тогда старайся лучше, – ответила директриса, подавая учебник девочке. Внешне она оставалась спокойной и действовала разумно, однако внутри была полна отвращения к угрюмому ребенку с поджатыми губами. – Я оставлю тебя, Сара, а через полчаса пришлю сюда мисс

---

⁸ На самом деле автором баллады «Крушение “Гесперуса”» является американский поэт Генри Лонгфелло; директриса неверно приписывает ее авторство английской поэтессе Фелиции Хеманс.

Ламли. Если ты не прочитаешь произведение наизусть, боюсь, мне придется отправить тебя в постель и оставить без ужина, к которому девочки вернутся после пикника.

Дверь кабинета закрылась, ключ повернулся в замке, и ненавистная фигура исчезла.

А у Висячей скалы Мадемуазель и Миранда, наверное, сидят под деревом и разливают чай... Опустив тяжелую голову на заляпанную чернилами крышку парты, Сара расплакалась от злости.

– Ненавижу ее... Ненавижу... Ох, Берти, Берти, где же ты? Господи, где ты? Если ты действительно наблюдаешь за нами с небес, почему ты не заберешь меня отсюда? Миранда говорит, нельзя ненавидеть людей, даже если они плохие. Но я ничего не могу с собой поделать, дорогая Миранда... Ненавижу ее! Ненавижу! – Книга со стихотворениями миссис Хеманс полетела в сторону запертой двери.

Закат позади школьной башенки сиял неестественно розовыми и оранжевыми тонами. Миссис Эппльярд плотно поужинала в своем кабинете: холодная курица, жирный сыр стилтон и шоколадный мусс. Кормили в колледже прекрасно. Сару отправили в постель с тарелкой холодной баранины и стаканом молока. Она проплакалась, но так и не признала своей вины. На освещенной лампами кухне повариха играла с горничными в карты за потертым деревянным столом; все сидели в чепчиках и фартуках в ожидании скорого возвращения девочек с пикника.

Сгущалась тьма. В высоком пустом доме в кои-то веки стало тихо, его наполнили тени, хотя Минни и зажгла лампы на лестнице из кедрового дерева, где Венера, положив руку на мраморный живот, смотрела в окно на свою тезку, склонившуюся над полумраком газонов. Начало девятого... Миссис Эппльярд раскладывала пасьянс у себя в кабинете, прислушиваясь к звукам с улицы – не слышно ли скрипа гравия под колесами повозки. Пожалуй, стоит пригласить мистера Хасси выпить; после того, как в колледже обедал епископ из Бендиго, в графине оставалось еще достаточно бренди.

За годы службы мистер Хасси показал себя таким пунктуальным и надежным работником, что когда напольные часы на лестнице пробили половину девятого, директриса встала из-за стола и потянула за бархатный шнурок личного звонка. Тот важно зазвенел на кухне, и Минни, несколько раскрасневшаяся, поспешно отозвалась. Горничная застыла в дверях на почтительном расстоянии от миссис Эппльярд.

– Том еще здесь?

– Не знаю, мэм, я спрошу у поварихи, – ответила Минни, видевшая своего обожаемого Тома полчаса назад растянувшимся в одних кальсонах на ее кровати.

– Постарайся отыскать его и тут же отправь ко мне.

Разложив еще пару раз пасьянс «Мисс Миллиган», директриса, которая обычно с презрением относилась к жульничеству в картах, специально положила себе нужную карту – червового валета – и вышла на гравийную дорожку у крыльца, где висел зажженный керосиновый фонарь на металлической цепочке. Шиферная крыша колледжа мерцала серебром на фоне ясного темно-синего неба. В одной из комнат наверху горел одинокий огонек за задернутой шторой – это Дора Ламли читала в постели в свободное от работы время.

Воздух был напоен ароматом матиолы и петуний. Приятно, что погода хорошая, да и мистер Хасси – уважаемый извозчик, и все же директрисе хотелось найти молодого Тома, пусть он со своим ирландским здравым смыслом успокоил бы ее, что волноваться не о чем, когда экипаж задерживается почти на час. Миссис Эппльярд вернулась в кабинет и продолжила раскладывать пасьянс, затем вновь встала, чтобы сравнить время на своих золотых часах с часами в прихожей. Когда пробило девять тридцать, она опять вызвала Минни – горничная сообщила, что Том принимает горячую ванну в каретном сарае и после этого напрямик направится сюда. Прошло еще долгих десять минут.

С большой дороги, примерно в полумиле от дома, донесся топот копыт, среди темных деревьев замелькали огни. Что-то пели пьяные голоса... Набрав скорость, мимо ворот колле-

джа пронеслась повозка – кутилы возвращались из Вудэнда. В этот момент Том, который тоже их услышал, появился в ковровых тапочках и чистой рубашке у открытой двери. Если миссис Эппльярд и нравился кто из ее ближайшего окружения, так, вероятно, ирландец Том со смеющимися глазами. Он выполнял любые поручения: выносил мусор, играл на губной гармошке для горничных, отвозил учительницу рисования на станцию Вудэнд.

– Мэм? Минни сказала, вы хотели меня видеть.

Под ярким светом фонаря на крыльце морщинистые щеки директрисы выглядели бледными.

– Том, – сказала миссис Эппльярд, пристально глядя на помощника, будто это поможет добиться ответа, – ты понимаешь, что мистер Хасси ужасно опаздывает?

– Разве, мэм?

– Утром он честно обещал мне, что привезет учениц к восьми. Сейчас половина десятого. Сколько занимает путь от Висячей скалы?

– Ну, это не близко...

– Подумай хорошенько, ты отлично знаешь дороги.

– Скажем, часа три или три с половиной.

– Верно. Хасси собирался выезжать с площадки для пикника в начале пятого. Сразу после чая. – Четко поставленный директорский голос вдруг сорвался на хрип. – Что ты стоишь и пялишься на меня, как идиот! Что с ними случилось?

Если бы расстроенное лицо директрисы выглядело хотя бы немного более приятно, обладатель певучего ирландского акцента, возможно, осмелился бы клюнуть ее в дряблую щеку, находившуюся слишком близко к его тщательно вымытому носу.

– Не стоит волноваться, мэм. Он лучший извозчик по эту сторону Бендигго, и у него пять прекрасных лошадей.

– Это я и сама знаю. Вдруг произошел несчастный случай? Вот я к чему.

– Несчастный случай, мэм? Ну, я даже не думал об этом, ночь такая ясная...

– Тогда ты еще глупее, чем мне казалось! Я совсем не смыслю в лошадях, но знаю, что они могут *понести*. Слышишь меня, Том? Лошади могут понести. Ради всего святого, *скажи* что-нибудь!

Работать в конюшне и слоняться по кухне, выпрашивая добавку, – это одно. Стоять же на крыльце перед самой директрисой, отбрасывающей длинную черную тень на стену... «Я думал, она меня сожрет, – рассказывал впоследствии Том Минни, – а самое главное, я нутром чувал, что бедняжка права».

Он осмелился положить руку на запястье миссис Эппльярд, обтянутое серым шелком и украшенное массивным браслетом с ярко-красным сердечком.

– Зайдите внутрь и присядьте, Минни сейчас принесет вам чашечку чая...

– Послушай! Что это? Слава Господу, я их слышу!

Это и правда были они: топот копыт, два приближающихся огонька, долгожданный скрип колес повозки, медленно подъезжающей к воротам колледжа.

– Тпру, Моряк... Герцогиня, стой...

Мистер Хасси обращался к лошадям неузнаваемо хриплым голосом. Из темных недр экипажа один за другим на освещенную фонарями гравийную дорожку высыпали пассажиры. Кто-то заплаканный, кто-то вялый от сна, все без шляпок, растрепанные, рассеянные. Том бросился встречать повозку, оставив директрису на крыльце – ей предстояло справиться с дрожью в конечностях и принять властную позу. Первой, пошатываясь, по ступенькам поднялась мертвенно-бледная француженка.

– Мадемуазель! Что все это значит?

– Миссис Эппльярд, случилось нечто страшное.

– Несчастный случай? Не молчите же! Я хочу знать правду.

- Это так ужасно... Я не знаю, с чего начать.
- Соберитесь. От вашей истерики никакого толку... Боже, где мисс Макроу?
- Мы оставили ее там...
- Оставили? Мисс Макроу совсем потеряла рассудок?

Мистер Хасси пробрался через стайку всхлипывающих девочек.

– Миссис Эпплъярд, можно поговорить с вами наедине?.. Боюсь, как бы французская леди не упала в обморок.

Он был прав. После таких переживаний Мадемуазель потеряла сознание в прихожей. Минни и кухарка, давно снявшие чепчики с фартуками и отправившиеся спать в комнаты для прислуги, выбежали из двери под лестницей, по которой с зажженной свечой спускалась мисс Ламли – в сиреневом халате, волосы накручены на бигуди. Чтобы привести Мадемуазель в чувство, достали нюхательную соль и бренди, с помощью Тома воспитательницу унесли в ее спальню.

– Ох, бедняжки, – сказала повариха, – девочки выглядят такими измученными. Что же произошло на пикнике? Скорее, Минни, не приставай к мадам, сейчас нальем им горячего супа.

– Мисс Ламли, немедленно отведите учениц в постель, Минни вам поможет... Итак, мистер Хасси. – Дверь гостиной миссис Эпплъярд закрылась за широкой и уставшей, но на удивление выпрямленной спиной.

– Если позволите, мэм, мне бы сначала чего-нибудь выпить.

– Пожалуйста, я вижу, что вы обессилены... А теперь расскажите мне как можно короче и понятнее, что именно случилось.

– Господи, мэм, понимаете, хуже всего... В общем, никто *не знает*, что произошло. Три юные леди и мисс Макроу пропали у Висячей скалы.

Далее следует отрывок из рассказа Бена Хасси, записанного констеблем Бамфером из Вудэнда в полицейском участке утром в воскресенье, пятнадцатого февраля.

Как только мы с двумя учительницами поняли, что не можем узнать точное время – в дороге и мои, и часы мисс Макроу остановились, – было решено покинуть площадку для пикника как можно скорее после обеда, ведь миссис Эпплъярд ждала нас обратно не позже восьми. Я запряг лошадей, а леди-французенка согласилась, что перед отъездом надо бы выпить чаю и съесть торта, так как впереди довольно долгий путь. Полагаю, было около половины четвертого, если судить по движению теней.

Чайник закипел, и я пошел сказать двум леди, присматривавшим за девочками, что чай готов. Старшей из них не было на месте, хотя незадолго до этого она сидела под деревом и читала. Тогда я видел ее в последний раз. Французенка выглядела очень расстроенной и спросила, не заметил ли я, чтобы мисс Макроу куда-то отходила от площадки. Я ответил отрицательно. Французенка сказала: «Никто из девочек не видел, куда она пошла. Не понимаю, почему она до сих пор не вернулась. Мисс Макроу такая пунктуальная». Я спросил, на месте ли остальные пассажиры и готовы ли к отъезду. «Все, кроме четырех. С моего разрешения они отправились на небольшую прогулку вдоль ручья, чтобы получше рассмотреть Висячую скалу. Не считая Эдит Хортон, девочки они взрослые и очень ответственные». Три пропавшие ученицы ехали со мной на сидении для кучера. Я хорошо их знаю. Это мисс Миранда (ее фамилия мне не известна), мисс Ирма Леопольд и мисс Марион Куэйд.

На тот момент я не сильно волновался, лишь из-за задержки с отъездом. Те места мне знакомы, и вскоре я организовал поиски, отправив девочек пройти по парам вокруг ручья по равнине и позвать исчезнувших. Они искали, пожалуй, с час, когда из кустов у юго-западного подножия Скалы выскочила Эдит Хортон. Она одновременно плакала и смеялась, платье ее было разорвано в клочья. Я подумал, что у нее истерический припадок. По словам Эдит,

девочки остались «где-то там наверху» – она показала на Скалу. Мы пытались вывести хоть что-нибудь об их пути, спрашивая ее снова и снова, но Эдит все повторяла, что испугалась и побежала вниз по склону. К счастью, я всегда ношу с собой фляжку с бренди на крайний случай. Мы налили ей немного, затем укутали в мое пальто, и мисс Розамунд (одна из старших воспитанниц) уложила ее в повозку, пока мы продолжали искать. Я позвал всех девочек, пересчитал их, и тогда мы расширили границы поиска до подножия Скалы у южного подъема, стараясь обнаружить следы Эдит. К сожалению, на каменистой почве они почти сразу исчезли. Без увеличительного стекла разглядеть что-либо было невозможно. Ветки на кустах были обломаны только там, где Эдит выскочила на открытую местность и побежала к нашему привалу у ручья. Для простоты ориентирования мы поместили этот проход между деревьями с помощью палок. Тем временем две старшие воспитанницы сходили к тому месту, где расположилась другая группа отдыхающих, они прибыли еще раньше нас, однако костер оказался затушен – видимо, они уехали, пока я занимался лошадьми. Четверо человек на повозке. Кажется, это был полковник Фицхуберт, но вблизи я их не видел, и поговорить не удалось. Несколько учениц заметили, как повозка отправлялась в обратный путь, а позади на белом арабском пони ехал молодой парень. Мы звали и искали пропавших девочек еще несколько часов. Я не мог поверить, что трое или четверо разумных людей способны исчезнуть так быстро и без следа на относительно небольшой территории. Я до сих пор сбит с толку, как и вчера вечером.

Так как даже самые низкие и доступные уровни Висячей скалы крайне опасны, особенно для неопытных девочек в длинных летних платьях, я боялся упускать их из виду среди всех этих ям и обрывов, тем более, насколько мне известно, к вершине ведет лишь одна заросшая тропа, по которой пропавшие воспитанницы вряд ли пошли, потому что я тщательно осмотрел самое ее начало и не нашел никаких следов обуви или примятой травы.

С наступлением темноты – время определяли только по закатывающемуся солнцу – мы разожгли вдоль ручья несколько костров, чтобы по нашу сторону Висячей скалы их можно было увидеть с разных точек. Также мы продолжали выкрикивать имена девочек, как по отдельности, так и хором. Я взял два чайника и стал бить по ним ломиком, который всегда держу в повозке на непредвиденный случай.

К тому моменту мы с леди-француженкой сломали голову, пытаясь решить, что нам делать, – возвращаться в Вудэнд или продолжать поиски. У нас было всего две масляных лампы на экипаже и керосиновый фонарь. Если пропавшие еще находились где-то на Скале, в чем я начинал сомневаться, в темноте без спичек им грозила серьезная опасность, не дайся они пересидеть ночь в пещере. Француженка и некоторые ученицы понемногу впадали в истерику, что неудивительно. За все это время, с обеда, мы не выпили и чаинки чая. Слишком волновались, чтобы даже думать о еде. Потом мы достали лимонад с печеньями, подкрепились, и я решил, что надо прекратить поиски и отвезти всех обратно в колледж.

Если честно, я не знаю, правильно ли я поступил, но вся ответственность за принятое решение лежит на мне. Я довольно хорошо знаком с исчезнувшими девочками и подумал, что мисс Миранда, привыкшая к бушленду⁹, обязательно сохранила бы спокойствие и нашла бы безопасное место для ночлега, если только с ними не приключилось какое-либо несчастье, а это маловероятно. Что касается учительницы, надеюсь, она ушла не сама по себе, ведь знание арифметики не поможет в такой местности.

Заехав по дороге в полицейский участок в Вудэнде и вкратце сообщив дежурному о случившемся у Висячей скалы, мы поспешили в колледж Эплгьярд. Я забыл добавить, что внимательно осмотрел общественные туалеты (как женские, так и мужские), расположенные на

---

⁹ Бушленд – в Австралии: равнинная местность, поросшая кустарником.

территории площадки для пикника примерно посередине между ручьем и подножием Скалы. Ни отпечатков обуви, ни следов недавнего использования я не обнаружил.

Глава 5

Для обитателей колледжа Эппльярд воскресенье пятнадцатого февраля было днем кошмарных колебаний: от сна к реальности, от безумно возрастающих надежд к страхам – в зависимости от темперамента.

Всю ночь пронаблюдав за тем, как светлеет стена ее комнаты от приходящего нового дня, директриса тем не менее в обычный час была готова взяться за работу и выглядела безукоризненно, ни один волосок не выбивался из высокой прически. Первым делом предстояло обеспокоиться тем, чтобы за пределами колледжа никто не узнал о накануне произошедшем. Отменили вызов трех повозок, которые по воскресеньям отвозили учениц и воспитательниц в разные церкви, так как, по мнению миссис Эппльярд, именно церкви являлись главным рассадником сплетен. Бен Хасси, слава небесам, человек разумный и, не считая конфиденциального сообщения в полицию, будет держать язык за зубами. В колледже было объявлено молчание до получения особых распоряжений. Можно не сомневаться, что пришедшие в себя после вчерашнего испытания воспитанницы и служащие следовали указанию; половина из тех, кто побывал на пикнике, слегли от потрясения и усталости. Однако есть подозрение, что Том и Минни, прирожденные разносчики слухов, а может, вместе с ними и кухарка – все они в воскресенье днем неофициально принимали гостей – были не так добросовестны, и что мисс Дора Ламли обменялась парой слов у задней двери с Томми Комптоном, который привез сливки. Послали за доктором Маккензи из Вудэнда, бесконечно мудрым престарелым врачом общей практики; он приехал на своей двуколке вскоре после завтрака и, оценив ситуацию пронизательным взглядом через очки в золотой оправе, посоветовал устроить в понедельник выходной и предписал легкое успокоительное. Мадемуазель лежала в постели с мигренью. Старый доктор погладил изящную руку на покрывале, капнул одеколона на пылающий лоб пациентки и сострадательно заметил:

– Кстати, моя дорогая юная леди, надеюсь, вы достаточно умны, чтобы не винить себя за несчастный случай? Возможно, это лишь буря в стакане воды.

– *Mon Dieu*, доктор, я молю Бога о том, чтобы вы оказались правы.

– Никто не несет ответственности за проделки судьбы, – добавил доктор Маккензи.

Осмотрев Эдит Хортон, которая впервые за всю жизнь стала вроде как героиней, врач пришел к выводу, что девочка в хорошем физическом состоянии – продолжительный крик помог справиться с истерикой, – хотя кое-что его немного встревожило. Эдит никак не могла вспомнить, что именно так напугало ее у Скалы и заставило броситься обратно. Ей понравился доктор Маккензи, как и всем другим, и Эдит старалась, насколько позволяли ее ограниченные умственные способности, помочь ему. По дороге домой он подумал, что девочка, возможно, ударилась головой о камень – ничего удивительного, в такой-то неровной местности.

Большую часть воскресенья миссис Эппльярд провела в одиночестве в своем кабинете, не считая беседы с констеблем Бамфером из Вудэнда, который привел с собой не блещущего умом молодого полицейского, чтобы сделать записи по относительно неважному делу – Бамфер ожидал, что все прояснится к вечеру того же дня. Городские вечно теряются среди густых лесов, а порядочным людям потом надо вылезать рано утром в выходной из кровати и их разыскивать. Факты по делу об исчезнувших девочках оказались более чем смутными, а рассказ Бена Хасси лишь подтверждал то, что уже было известно. Бамфер договорился о встрече с юношами, также побывавшими на пикнике у Висячей скалы в субботу – они последними видели девочек, когда те пересекали ручей, и в понедельник ответят на вопросы полиции, ежели к тому времени пропавшие не будут обнаружены. Этим утром Бамфер хотел пообщаться лишь с Эдит Хортон, которая провела с девочками несколько часов, прежде чем в панике вернуться к месту отдыха.

Эдит в кашемировом халате под цвет ее покрасневших глаз привели в кабинет миссис Эппльярд, но получить от нее внятные и полезные сведения было невозможно. Ни констебль, ни директриса не сумели добиться от ученицы ничего, кроме всхлипываний и мрачных отрицательных ответов. Пожалуй, юный полицейский справился бы лучше, однако ему не дали шанса поговорить с Эдит, и девочку увели обратно в комнату.

– Ничего страшного, – сказал Бамфер, принимая бокал бренди с водой. – По моему личному мнению, мэм, ситуация прояснится в течение нескольких часов. Вы не представляете, сколько людей теряются в лесу, стоит им на пару ярдов сойти с тропы.

– Хотелось бы мне с вами согласиться, мистер Бамфер, – ответила миссис Эппльярд. – Старшая девочка, Миранда, родилась и выросла среди бушленда, что же касается воспитательницы, мисс Макроу...

Никто не видел, как мисс Макроу покинула площадку для пикника после обеда. Вероятно, по неизвестным причинам она решила оторваться от чтения, встать из-под дерева и последовать за четверьмя девочками к Висячей скале.

– Если только, – добавил полицейский, – у леди не было каких-то личных договоренностей. Например, о встрече с подругой или друзьями за воротами...

– Исключено. Насколько мне известно, в этом полушарии у мисс Греты Макроу, которая работает на меня уже несколько лет, нет ни друзей, ни знакомых.

Ее книгу вместе с лайковыми перчатками уже обнаружили там, где она сидела, – их нашла Розамунд, одна из старших учениц. И миссис Эппльярд, и полицейский сошлись на том, что учительница математики, хорошо «разбиравшаяся в своих цифрах», как сказал Бамфер, вполне могла сглотнуть и заблудиться. Правда, выразились они помягче: предположили, что даже Архимед, занятый мыслями о высших материях, мог сбиться с дороги. Юный полисмен записал все это, тяжело дыша и облизывая карандаш. (Позже, когда кратко опросили всех тех, кто вернулся в школу после пикника, несколько свидетелей, включая Мадемуазель, вспомнили, что мисс Макроу со страстью говорила о треугольниках и кратчайшем пути и даже предложила извозчику вернуться домой по другой, довольно неудобной дороге.)

Местная полиция уже организовала поиски в районе площадки для пикника и той части Скалы, на которую можно вскарабкаться. Самым непостижимым было то, что, как и сообщил мистер Хасси, не обнаружилось никаких следов за исключением примятого папоротника и пары кустов с оборванными листьями на нижних склонах. В понедельник, если до тех пор тайна не будет разгадана, из Гипсленда пришлют «черного следопыта»¹⁰ и, по настоянию полковника Фитцхуберга, ищейку, для которой мисс Ламли подготовила несколько вещей, принадлежащих пропавшим девочкам. Местные жители, включая Майкла Фитцхуберга и Альберта Кранделла, уже помогали полиции тщательно прочесывать близлежащую территорию. В австралийском бушленде новости распространяются так же быстро, как и в городе, поэтому к вечеру воскресенья в радиусе пятидесяти миль от Висячей скалы не осталось дома, в котором за ужином не обсуждали бы таинственное исчезновение учениц. Как это обычно бывает, бескрайнее человеческое любопытство заставило тех, кто ничего не знал о случившемся ни из первых рук, ни понаслышке, высказываться наиболее экспрессивно, а подобные высказывания, известное дело, за ночь иногда превращаются в достоверные факты.

Если воскресенье пятнадцатого февраля стало кошмаром для колледжа, то понедельник шестнадцатого был еще хуже. День начался с того, что в шесть утра в дверь позвонил молодой репортер из мельбурнской газеты – у его велосипеда спустила шина. Повариха накормила его завтраком на кухне и отправила обратно в город на поезде без каких-либо новостей. Несчастный юноша был первым из множества других нежеланных посетителей. Массивная кедровая дверь, которую использовали только по торжественным случаям, открывалась и закрывалась с

---

¹⁰ В Австралии – туземцы, помогавшие полиции искать преступников, скрывавшихся в бушленде.

утра до ночи для разных визитеров; некоторые из них имели добрые намерения, других же, как гиен, привлекал запах крови и скандала. Никого из них в школу не пустили, даже викария из Маседона с его миниатюрной добродушной супругой – оба были смущены, но полны искреннего желания помочь в нелегкий час. Однако они, как и все остальные, получили резкий ответ на крыльце – «не принимают».

Еду привычно подавали с точностью до минуты, хотя большинство из по обыкновению голодных девушек, севших за обед, лишь поковырялись в жареной баранине и яблочном пироге. Старшие ученицы перешептывались группками. В кои-то веки никто не поправлял ссутулившихся Эдит и Бланш, что взялись за руки и на пару всхлипывали; новозеландские сестры все продолжали вышивать, вспоминая о землетрясениях и других ужасах. Сара Уэйборн, всю субботнюю ночь ждавшая возвращения Миранды с пикника, чтобы, как обычно, поцеловать ее перед сном, теперь, словно маленькое привидение, ходила из комнаты в комнату, пока мисс Ламли, у которой голова разрывалась от головной боли, не дала ей задание подшить края простыни до того, как подадут чай. Сама мисс Ламли и младшая учительница по шитью жаловались друг другу, когда не были заняты выполнением поручений директрисы и другими неблагоприятными обязанностями, что «все взвалили на их плечи» – эта фраза подходила для любого, кто стоял выше их, включая самого Господа. О сочинении по Висячей скале, которое надо было сдать к уроку английской литературы в 11:30 в понедельник, шестнадцатого февраля, как было написано мелом на доске, больше не вспоминали. В конце концов, солнце село за сияющей клумбой георгинов; гортензии яркими сапфирами блистали в сумерках, и статуи на лестнице освещали своими тусклыми фонарями теплую синюю ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.